

Очнувшись, Цзи Ван отказался видеть ребёнка. У Шэнь Цзуна не было много времени, чтобы оставаться с ним в особняке. Он неуклюже держал на руках нежного младенца. Он собирался сам отнести его к Цзи Вану. Ребёнок был таким мягким и милым, Цзи Ван должен был его полюбить.

Но он не ожидал, что Цзи Ван с железным лицом откажется смотреть на ребёнка, которого так тяжело родил.

Шэнь Цзун изначально не питал глубоких чувств к Омеге-младенцу. Ребёнок только вчера открыл глаза. Они были влажными и ясными. В первый день он не присмотрелся, но теперь, приглядевшись, он увидел под глазом ребёнка родинку-слезинку, почти такого же размера, как у Цзи Вана. Поскольку цвет был очень бледным, его было трудно заметить на фоне кожи.

Это заставило Шэнь Цзуна ещё больше полюбить Омегу-младенца. Ребёнок нравился ему и старому генералу, но Цзи Ван, который должен был любить его больше всех, отказался его видеть.

— Почему? Ты родил его и собираешься бросить? — Шэнь Цзун, держа малыша, стоял у дверей, отказываясь уходить. Старый генерал, услышав это, тоже подошёл. Он посмотрел на ребёнка, затем на плотно закрытую дверь. Его лицо тоже не выражало радости.

— Цзи Ван, подумай, что ты делаешь. Ребёнок похож на тебя, глаза похожи, и у него есть родинка-слезинка в том же месте, что и у тебя. Он твой ребёнок, — сердце Шэнь Цзуна похолодело. — Неужели ты ждёшь, что я буду относиться к нему так же, как к тебе?

После слов Шэнь Цзуна лицо старого генерала изменилось. Он хотел отругать Шэнь Цзуна. Если они не будут воспитывать ребёнка, он сам будет, но сейчас Шэнь Цзун разговаривал с Цзи Ваном, и в их отношения он вмешиваться не хотел.

Душевное состояние старого генерала тоже изменилось. Он понял, что не должен вмешиваться, хотя раньше он так не думал. Самым большим препятствием во взаимоотношениях Шэнь Цзуна и Цзи Вана долгое время был именно он.

Цзи Ван, услышав слова Шэнь Цзуна, сжал простыню, и его тон был холоден:

— Делай с ним, что хочешь. Пока семья Шэнь не даст ему умереть с голоду, он выживет.

Шэнь Цзун объявил всем, что ребёнок его. Даже если это неправда, формально он был ребёнком семьи Шэнь, и о нём должны заботиться.

Цзи Ван был спокоен, оставляя ребёнка семье Шэнь. Он должен был только восстановить силы, а затем, когда Шэнь Цзун вернётся в часть, он найдёт возможность уйти. Мысли старого генерала были полностью сосредоточены на ребёнке, и его контроль стал менее строгим, чем

раньше.

Цзи Ван всё рассчитал. Ему оставалось только ждать.

Он не хотел видеть ребёнка. Шэнь Цзун, упрямый, постоянно появлялся у двери с малышом. Или, пока Цзи Ван спал, он приносил ребёнка и клал рядом с ним.

Однажды Цзи Ван проснулся и увидел ребёнка рядом. Он замер, не двигаясь, и быстро отвёл взгляд.

Когда он не видел ребёнка, его эмоции были спокойными. Но, увидев сейчас этого мягкого, нежного малыша, его сердце дрогнуло. Он чуть не потянулся, чтобы прикоснуться.

Цзи Ван отдернул руку, отвёл взгляд и сказал в пустоту:

— Дело не в том, что я не хочу тебя держать.

Лучше разорвать эту связь, пока нет чувств, чем потом страдать.

Шэнь Цзун смотрел в щель двери. Цзи Ван был по-настоящему жесток. Он даже не притронулся к малышу.

Он вошёл, забрал ребёнка и отдал его на попечение горничной. Глядя на Цзи Вана, который лежал к нему боком, он сказал:

— Теперь я понимаю, насколько холодно твоё сердце. Ты даже к ребёнку не хочешь прикоснуться.

Шэнь Цзун больше не заикливался на этом, потому что ему нужно было возвращаться в часть. Это означало, что он не увидит Цзи Вана несколько месяцев.

— Помни одно: не смей думать о побеге. Ребёнок навсегда останется в семье Шэнь. Ты не уйдёшь. Если посмеешь, Цзи Ван, я говорю серьёзно. Если ты посмеешь подумать о побеге, и я поймаю тебя, я сломаю тебе ноги. Ты навсегда останешься рядом со мной.

— Если ты станешь инвалидом, я смирюсь и буду заботиться о тебе.

Шэнь Цзун сделал паузу, его голос стал тише:

— Я скоро уйду. Если что-то нужно, скажи дедушке. Он не будет тебя напрягать сейчас.

Услышав это, Цзи Ван беззвучно улыбнулся. Улыбка не дошла до глаз.

Он родил ребёнка, и эти люди перестали его угнетать. Это было иронично. Почему они не смягчились за все те годы? А теперь, всего за несколько дней, их отношение начало меняться.

— Угу, — тихо ответил Цзи Ван. Его окутала тень. Фигура Шэнь Цзуна нависла над ним, и его жаркое тело обняло его.

Цзи Ван был слаб после родов. Его прежние попытки сопротивления были бесполезны против Шэнь Цзуна. Теперь он даже не мог пошевелиться, позволяя Шэнь Цзуну крепко обнять его. Не слишком сильный аромат амбры легко окутывал его. Шэнь Цзун молчал. Лёгкий запах феромонов нежно коснулся его носа, создавая некую противоречивую нежность.

Шэнь Цзун сказал:

— Если ты не поправишься к моему следующему возвращению... — Он потрогал хрупкие кости в своих объятиях. Слова угрозы застряли у него в горле. Он уже не мог так легко угрожать, как раньше.

Он действительно изменился.

В сердце Шэнь Цзуна мелькнуло сожаление, но оно быстро прошло, и он успокоился.

— Я ухожу. Жди меня.

Шэнь Цзун, не оглядываясь, открыл дверь и вышел. Цзи Ван лежал в постели, не двигаясь. Слабость взяла своё, и вскоре он снова уснул.

С отъездом Шэнь Цзуна жизнь Цзи Вана осталась неизменной. Зато старый генерал сильно изменился. Он был уже в преклонном возрасте, но в последнее время стал необычайно активным. Проснувшись утром, он, не успев поесть, бежал к Омеге-младенцу, смотрел на него целый день, каждый час. Часто он заваривал чай, а затем невольно шёл в детскую, проверить, проснулся ли малыш, и не нужно ли позвать кого-нибудь, чтобы его покормить.

Цзи Ван был доволен тем, что старый генерал так привязался к ребёнку. Спустившись однажды вниз, он услышал, как старый генерал сказал:

— Прошло уже много времени. Ты всё ещё не хочешь видеть ребёнка?

Цзи Ван ответил: — Не хочу.

Это сильно разозлило старого генерала.

Старый генерал Шэнь не дал Цзи Вану того, чего он хотел. Он попросил горничную, которая умела фотографировать, сделать снимки ребёнка. Огромные фотографии малыша висели по всей гостиной. На всех книжных полках, в каждом углу стояли фотографии ребёнка.

Чем больше Цзи Ван избегал его, тем больше старый генерал заставлял его видеть ребёнка. Не было места, где можно было бы спрятаться.

Старый генерал весь день говорил о том, какой длинный у малыша ресницы, что он уже улыбается, и какая у него мягкая кожа. Он специально говорил это в присутствии Цзи Вана. Это раздражало Цзи Вана.

Он сам чувствовал себя десятикратно грешником. Он даже не хотел видеть своего ребёнка.

Тун Цинхэ приходил навещать малыша. Ребёнок был очень привязан к нему. Каждый раз Тун Цинхэ был так взволнован, что его щёки краснели. Он говорил ребёнку много того, чего малыш не мог понять.

Он говорил ребёнку о трудностях Цзи Вана. Он знал, что Цзи Ван не видит ребёнка, и ему было грустно, но он не был так упрям, как старый генерал.

Однажды, после посещения ребёнка, Цзи Ван сказал Тун Цинхэ наедине:

— Я скоро уйду.

Он почти восстановил силы. Все мысли старого генерала были о ребёнке. Если он останется ещё на день, глядя на фотографии малыша, Цзи Ван боялся, что не сможет уйти.

Тун Цинхэ занервничал. Он не мог найти слов. Цзи Ван похлопал его по голове и вздохнул.

— Я не скажу тебе конкретную дату, чтобы ты не чувствовал себя виноватым. Когда старый генерал спросит, ты действительно не будешь знать. Старый генерал любит тебя, и не станет усложнять тебе жизнь.

Глаза Тун Цинхэ покраснели:

— Ты действительно уйдёшь?

Цзи Ван кивнул:

— Должен уйти.

Прошлой ночью ему приснились родители. Образы и голоса его родителей остались в его голове. Он не мог уснуть.

Он сделал всё, что должен был сделать. Оставалось только одно — то, что он должен был своим родителям, которые его родили и вырастили.

Что касается Шэнь Цзуна...

Он пристально посмотрел в глаза Тун Цинхэ:

— Если Шэнь Цзун будет тебя преследовать, скажи ему, что это было моё решение. Старый генерал хорошо к тебе относится и не даст ему возможности надавить на тебя. А если он будет давить на жалость... скажи ему, чтобы забыл меня. Скажи ему, что у меня нет к нему чувств, и что я того не стою.

<http://bllate.org/book/4/149>